

Стефан Цвейг

Первое слово из-за океана

Сайрус Филд, 28 июля 1858 года

Новый ритм

В течение тысяч, а может быть и сотен тысяч лет, прошедших со времени появления на земле удивительного существа, именуемого человеком, мерилom скорости была скорость бегущей лошади, катящегося колеса, корабля, идущего на веслах или под парусами. Все вместе взятые технические открытия, сделанные за весь тот короткий, освещенный сознанием промежуток времени, который мы называем мировой историей, не привели к сколько-нибудь значительному ускорению ритма движения. Армии Валленштейна продвигались вперед едва ли быстрее, чем легионы Цезаря; войска Наполеона не наступали стремительнее, чем орды Чингисхана; корветы Нельсона пересекали моря лишь немногим быстрее, чем пиратские ладьи викингов или галеры финикийцев¹. Лорд Байрон в путешествиях Чайльд-Гарольда преодолевал ежедневно не больше миль, чем Овидий на пути в понтийскую ссылку²; Гете в восемнадцатом столетии путешествовал почти с таким же комфортом и такой же скоростью, как апостол Павел в начале первого тысячелетия. В эпоху Наполеона время и пространство так же разделяли страны, как и в годы Римской империи; упорство материи все еще брало верх над человеческой волей.

И только девятнадцатый век коренным образом меняет ритм и мерилom скорости на земле. За первые два десятилетия страны и народы сблизались теснее, чем за все прошедшие тысячелетия; железные дороги и пароходы свели к одному дню многодневные путешествия прошлого, превратили в минуты бесконечные часы, проводимые доселе в пути. Но какими поразительными ни казались современникам скорости железных дорог и пароходов, они все-таки не выходили из пределов, доступных пониманию. Их скорости в пять, десять, двадцать раз превосходили ранее известные, однако все же было возможно следить за ними взглядом и постигать умом разгадку кажущегося чуда. Но уже первые успехи электричества, этого Геркулеса еще в колыбели, производят настоящий переворот, опрокидывают все ранее установленные законы, отбрасывают все принятые мерки. Мы, более поздние поколения, никогда не сможем до конца понять восхищения тех, кто был свидетелем первых успехов электрического телеграфа, их безмерного и восторженного удивления перед тем, что та же самая, едва ощутимая искра Лейденской банки, которая еще вчера преодолевала лишь расстояние в один дюйм до сустава подставленного пальца, превратилась вдруг в могучую силу, способную проложить себе путь через равнины, горы и целые материки; что едва додуманная до конца мысль, не успевшая еще просохнуть запись на бумаге в ту же секунду принимается, читается, понимается за тысячи миль; что невидимый ток между полюсами крошечного вольтова столба может распространяться по всей земле, пробегая ее из конца в конец; что игрушечный прибор в лаборатории физика, еще вчера способный лишь на то, чтобы наэлектризованным стеклом притянуть несколько клочков бумаги, заключает в себе силу и скорость, равную миллионам и миллиардам человеческих сил и скоростей, невидимую силу, которая приводит в движение поезда, освещает дома и улицы, доставляет известия и, как Ариэль, незримо витает в воздухе. Это открытие впервые со дня сотворения

---

¹ ...галеры финикийцев. — Имеются в виду жители древнефиникийских городов-государств — Тира, Сидона, Библа и Арвада, — унаследовавшие обширную торговлю древнего Египта.

² ...Овидий на пути в понтийскую ссылку. — Римский поэт Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.), выразивший недовольство политикой императора Августа, был сослан в 8 г. н. э. в местечко Томы близ устья Дуная в Причерноморье («Понт Эвксинский» — античное название Черного моря).

мира в корне меняет представление о времени и пространстве.

Этот знаменательный для всего мира 1837 год, когда телеграф впервые связал воедино разобщенные человеческие судьбы, лишь изредка упоминается авторами наших школьных учебников, которые, к сожалению, все еще считают более важным повествовать о войнах и победах отдельных полководцев или государств вместо того, чтобы говорить о всеобщих — единственно подлинных — победах человечества. И, однако, новая история не знает другого такого события, которое могло бы по своему психологическому воздействию сравниться с этой переоценкой самого понятия времени. Мир стал другим с тех пор, как в Париже можно узнать, что в эту самую минуту происходит в Амстердаме, Москве, Неаполе, Лисабоне. Нужно сделать последний шаг — и все части света будут вовлечены в грандиозный всемирный союз, объединенный единым общечеловеческим сознанием.

Но природа все еще противится окончательному воссоединению человечества, все еще ставит непреодолимые преграды, и еще два десятилетия остаются разобщенными те страны, которые отрезаны друг от друга морями. Проложить электрическую линию через море невозможно, так как вода поглощает ток, который в воздухе беспрепятственно распространяется по проводам, подвешенным на фарфоровых изоляторах, а вещество, которое могло бы изолировать железные и медные провода в водной среде, еще не открыто.

К счастью, в эпохи интенсивного развития одно изобретение прокладывает путь для другого. Через несколько лет после постройки первых сухопутных телеграфных линий найдено вещество, которое способно изолировать в воде провода, несущие ток, — гуттаперча. Теперь можно включить в телеграфную сеть Европы важнейшую страну вне континента — Англию. Инженер по фамилии Брет прокладывает первый кабель через Ламанш, в том самом месте, где впоследствии Блерио³ первым пересечет его на самолете. Нелепый случай помешал немедленному успеху предприятия: в Булони один рыбак, решив, что ему попался необычайно жирный угорь, вытащил на поверхность уже проложенный кабель. Но в 1851 году вторая попытка увенчивается полным успехом. Итак, Англия присоединена к материкам, и с этого момента Европа впервые стала настоящей Европой, единым организмом, который одним общим сердцем и одним общим мозгом одновременно воспринимает все события эпохи. Такие блестящие достижения в течение столь немногих лет — ибо десятилетие не больше чем краткий миг в истории человечества — не могли не пробудить безграничную отвагу в современниках. Все, что задумано, — удается, удается со сказочной быстротой. Проходит немного лет, и вот телеграф уже связал Англию с Ирландией, Данией и Швецией, а Корсику с материком, и уже нащупывается почва для включения в общую сеть Египта, затем Индии. Только одна часть света, и едва ли не важнейшая — Америка, — казалось, обречена еще долгое время оставаться вне этой связующей весь мир цепи. Как пронизать одной линией безбрежные просторы Атлантического или Тихого океана, где невозможно создать какую-либо промежуточную станцию? В те годы, когда электричество едва вышло из младенчества, задача состояла из одних неизвестных. Еще не измерена глубина океана, недостаточно исследован рельеф его дна, не проверено, может ли кабель, опущенный на такую глубину, выдержать давление гигантских масс воды. И даже если бы прокладка такого бесконечно длинного кабеля на такой глубине была технически осуществима, где найти корабль, который может поднять две тысячи миль кабеля из железа и меди? Где найти генератор, вырабатывающий ток, способный беспрепятственно преодолеть расстояние, которое корабли проходят в лучшем случае за две-три недели? Все необходимые предпосылки отсутствуют. Еще не установлено, не циркулируют ли в океанских глубинах магнитные токи, которые могут вызвать отклонение электрического тока; нет достаточно надежной изоляции, точных измерительных приборов; известны только элементарные законы электричества, едва пробудившегося от

---

³ Блерио Луи (1872–1936) — один из пионеров французской авиации, пилот и конструктор самолетов. В 1909 г. впервые перелетел Ла-Манш.

своего векового сна. «Неосуществимо! Безумие!» — отмахиваются ученые, как только речь заходит о прокладке трансокеанского кабеля. «Может быть, позже», — говорят наиболее смелые из инженеров. Даже сам Морзе, человек, который больше всех способствовал усовершенствованию телеграфа, считает это предприятие слишком смелым. Но ему же принадлежат пророческие слова, что в случае успеха прокладка трансокеанского кабеля будет «the great feat of the century» — величайшим подвигом столетия.

Для того чтобы чудо или принимаемое за чудо свершилось, необходим прежде всего человек, способный уверовать в него. Мужество неведения иногда преодолевает препятствия, перед которыми в нерешительности останавливаются ученые. И как это часто бывает, и здесь простая случайность дает первый толчок всему грандиозному предприятию. Один английский инженер, по фамилии Гисборн, начавший в 1854 году подготовительные работы по прокладке кабеля из Нью-Йорка к самой восточной точке Америки — Ньюфаундленду, чтобы известия с кораблей поступали на несколько дней раньше, должен прервать эти работы, так как его денежные средства исчерпаны. Он отправляется в Нью-Йорк, рассчитывая найти там финансовую помощь. И там по чистой случайности, этой матери стольких славных подвигов, он сталкивается с одним молодым человеком, сыном пастора, Сайрусом Филдом, который благодаря неизменной удаче в коммерческих делах быстро нажил значительное состояние и смог еще в молодости отойти от дел. К этому ничем не занятому человеку, слишком молодому и энергичному, чтобы вынести долгую бездеятельность, и обращается Гисборн, надеясь получить от него помощь для завершения начатой работы. Однако Сайрус Филд — можно сказать, к счастью, — не инженер, не специалист. Он ничего не понимает в электричестве и никогда в жизни не видел кабеля. Но в крови у сына пастора — страстная вера, в крови американца кипит энергия и отвага. И там, где английский инженер видел лишь простую и близкую цель — связать Нью-Йорк с Ньюфаундлендом, — увлекающийся молодой человек увидел иные возможности. Почему в таком случае не связать подводным кабелем Ньюфаундленд с Ирландией? С небывалой энергией, готовый преодолеть любое препятствие (за один только год этот человек тридцать один раз пересек океан, отделяющий Старый Свет от Нового), Сайрус Филд принимается за дело, твердо решившись посвятить все силы и средства осуществлению задуманного предприятия. Это и явилось той искрой, которая вызывает взрыв, превращающий мысль в созидательную силу. Новая волшебная сила электричества соединилась с другим, сильнейшим движущим началом — человеческой волей. Человек нашел свою жизненную задачу, и задача нашла человека, способного ее разрешить.

Приготовление

С небывалой настойчивостью принимается Сайрус Филд за дело. Он связывается со специалистами, осаждает правительства просьбами о разрешении, в обоих полушариях проводит кампанию по сбору необходимых средств; и так сильна энергия, исходящая от этого совершенно неизвестного человека, так непоколебима его страстная убежденность, так велика его вера в чудотворную силу электричества, что акции основного капитала на сумму триста пятьдесят тысяч фунтов стерлингов размещены в Англии в течение нескольких дней. В Ливерпуле, Манчестере, Лондоне достаточно было призвать богатейших коммерсантов к учреждению «Telegraph Construction and Maintenance Company»⁴, чтобы деньги полились рекой. Среди акционеров — Теккерей и леди Байрон; они далеки от деловых интересов, но грандиозная идея увлекла их, и они пожелали внести свой вклад в задуманное предприятие. И ни в чем не проявилась так ярко вера в технику, воодушевлявшая Англию во времена Стивенсона⁵, Брюнеля⁶ и других великих изобретателей, как в той легкости, с какой

---

⁴ Компания по постройке и эксплуатации телеграфа (англ.).

⁵ Стивенсон Роберт (1772–1850) — английский инженер, шотландец по происхождению, крупный

огромная сумма была предоставлена по первому призыву на совершенно фантастическое и безнадежное начинание.

Приблизительная стоимость прокладки кабеля — единственное достоверно известное из всех исходных данных. Нет технического опыта прокладки, на который можно было бы опереться. Нет опыта планирования; такие грандиозные предприятия еще неизвестны девятнадцатому веку. Разве можно сравнить трудности прокладки трансокеанского кабеля с преодолением узкой полосы воды между Дувром и Кале? Там все дело свелось к тому, чтобы размотать с верхней палубы обыкновенного колесного парохода тридцать или сорок миль кабеля, который раскручивался с такой же легкостью, как простая якорная цепь. При прокладке кабеля в проливе можно было спокойно ждать благоприятной погоды, была точно известна глубина, корабль всегда оставался в виду одного из берегов, что ограждало от неприятных неожиданностей, и, наконец, все предприятие не требовало для своего осуществления больше одного дня. Но при работе в океане, которая должна продлиться по меньшей мере две-три недели, кабель, в сто раз длиннее и тяжелее, нельзя оставлять на верхней палубе, подвергая его всем превратностям непогоды. Да и ни один корабль того времени не может вместить в свой трюм этот гигантский кокон из железа, меди и гуттаперчи, ни один корабль не обладает достаточной мощностью, чтобы поднять такой груз. Для этого требуется по меньшей мере два основных судна и несколько вспомогательных, которые следили бы за правильностью курса и в случае необходимости могли бы оказать помощь. Правда, английское правительство предоставило для этой цели «Агамемнон» — один из самых крупных военных кораблей, флагманское судно английского флота под Севастополем, американское правительство — «Ниагару», крупнейший по тем временам фрегат водоизмещением в пять тысяч тонн. Но оба корабля сначала нужно специально оборудовать, чтобы каждый из них мог поднять половину бесконечной цепи, которая должна соединить две части света. Однако главное затруднение представлял, конечно, сам кабель. Огромные требования предъявлены к этой гигантской пуповине, которой предстоит связать два полушария. Кабель должен быть так же прочен на разрыв, как стальной трос, и вместе с тем не терять гибкости, чтобы его легко было укладывать. Он должен выдерживать любое давление, любую нагрузку и вместе с тем разматываться с легкостью шелковой нити. Он должен быть массивным, но не громоздким, прочным, но настолько чувствительным, чтобы передавать на две тысячи миль самый слабый электрический сигнал. Достаточно тончайшей трещины, малейшей неровности на каком-либо участке этого гигантского провода, чтобы прекратить движение тока по всему четырнадцатидневному пути.

Но Сайрус Филд принимает вызов! День и ночь работают фабрики, несокрушимая воля этого человека приводит в движение весь механизм. Целые рудники опустошаются, чтобы доставить необходимое количество железа и меди; целые леса каучуковых деревьев отдают свою кровь, чтобы изготовить гуттаперчевую оболочку такой колоссальной длины. Но ничто не показывает так ощутимо огромных масштабов задуманного, как триста шестьдесят семь тысяч миль переплетенных жил, в совокупности составляющих стержень кабеля, — в тридцать раз больше, чем требуется, чтобы опоясать Землю, и столько же, сколько нужно, чтобы соединить прямой линией Землю с Луной. Со времен Вавилонской башни человечество не отваживалось на столь грандиозное, с технической точки зрения, предприятие.

Первое отплытие

специалист по строительству маяков.

⁶ Брюнель Изабар-Кингдом (1806–1859) — талантливый английский инженер, спроектировавший большое количество туннелей, железных дорог и доков, конструктор винтовых пароходов, самый крупный из которых, «Левиафан», был переименован впоследствии в «Грейт Истерн».

Целый год неустанно крутились машины, непрерывно наматывалась в трюмах обоих кораблей тонкая, ровная нить кабеля, поступающего с фабрик, и, наконец, после многих тысяч оборотов, каждая половина кабеля на каждом корабле намотана на барабаны. Уже установлены снабженные тормозами специально сконструированные тяжеловесные машины, способные давать обратный ход, которым предстоит безостановочно в течение одной, двух, трех недель опускать кабель в глубину океана. Лучшие инженеры и электротехники, в числе которых сам Морзе, собрались на борту, чтобы во время всей прокладки непосредственно проверять своими приборами действие электрической цепи. Репортеры и художники присоединились к флотилии, чтобы кистью и пером запечатлеть это волнующее отплытие, которое может сравниться лишь с отплытием экспедиций Колумба и Магеллана.

Наконец, все приготовления закончены, и если до сих пор многие относились к задуманному скептически, то теперь вся Англия со страстным интересом следит за развитием событий. 5 августа 1857 года сотни лодок и судов окружают кабельную флотилию в маленьком ирландском порту Валенсии, чтобы быть свидетелем того исторического момента, когда конец кабеля будет спущен с корабля и закреплен на земле Европы. Прощание стихийно превратилось в торжество. Правительство прислало своих представителей, произносятся речи, в волнующих словах священник испрашивает божье благословение смелым путешественникам. «О боже всемогущий, — говорит он, — ты один распростираешь небеса, держишь в руке волны морские и повелеваешь бурями и ветрами. Воззри с милосердием на слуг твоих. Устрани могуществом твоим все преграды с их пути, сокруши все препятствия, дабы они свершили свой благородный замысел».

Тысячи рук и шляп взметнулись на берегу и в гавани. Медленно скрывается из глаз земля. Близится осуществление одного из самых смелых мечтаний человечества.

Неудача

Первоначально предполагалось, что оба корабля, «Агамемнон» и «Ниагара», несущие каждый по половине кабеля, вместе дойдут до заранее намеченной точки посреди океана, где обе половины кабеля будут сращены. Затем один корабль должен был направиться на запад, взяв курс на Ньюфаундленд, другой — на восток, к Ирландии. Однако риск потерять при первой же попытке весь драгоценный кабель показался слишком большим, и было решено, что первый участок будет прокладываться начиная от берегов Ирландии, тем более что еще неизвестно, сможет ли вообще исправно действовать подводная телеграфная линия такой протяженности.

Задача уложить кабель от берега до середины океана выпала на долю «Ниагары». Медленно, осторожно двигается в путь американский фрегат, словно гигантский паук, выпуская из своего туловища непрерывную нить. Медленно, размеренно грохочет на борту укладывающая кабель машина, производя привычный, хорошо известный всем морякам шум разматывающейся якорной цепи, которая погружается в глубину с барабана лебедки. И уже через несколько часов люди на борту корабля обращают на этот однообразный, размеренный шум не больше внимания, чем на биение собственного сердца.

Все дальше и дальше уходит в море корабль, все так же непрерывно опускается за корму кабель. И кажется, что нет ничего необычного в этом необычном плавании. Только в специальной каюте сидят у своих аппаратов электротехники, непрерывно обмениваясь сигналами с ирландским берегом. И поразительно: хотя берег давно пропал из вида, подводный кабель работает с такой же четкостью, как если бы линия связывала один европейский город с другим. Уже остались позади небольшие глубины прибрежной полосы, уже пройдена часть так называемого глубоководного плато, поднимающегося позади Ирландии, но все так же равномерно, как песок в песочных часах, бежит за корму металлическая нить, по которой одновременно передаются и принимаются известия.

Уже уложено триста тридцать пять миль — в десять раз больше, чем расстояние от

Дувра до Кале, уже преодолена неуверенность и тревога первых пяти дней и ночей, уже разрешил себе отдохнуть после многочасового напряжения и беспокойства вечером одиннадцатого августа Сайрус Филд. И вдруг что-то произошло — равномерный грохот машины оборвался. Как мгновенно просыпается от неожиданной остановки поезда задремавший пассажир, как в ужасе вскакивает с постели мельник, когда останавливается мельничное колесо, так в мгновение ока все участники экспедиции уже на ногах и бросаются на палубу. Один взгляд на машину — и все ясно: барабан укладываемой машины пуст. Кабель оборвался так внезапно, что невозможно было подхватить оторвавшийся кусок, и теперь совершенно безнадежно искать его в глубине, чтобы поднять на поверхность. Произошло непоправимое: небольшая техническая ошибка свела на нет работу многих лет. Победенными возвращаются отважные участники экспедиции в Англию, которую внезапно замолкший телеграф уже подготовил к самому худшему.

Снова неудача

Сайрус Филд, единственный, оставшийся непоколебимым герой и вместе с тем коммерсант, подводит баланс. Насколько велики убытки? Триста миль кабеля, около ста тысяч фунтов акционерного капитала и — что, быть может, более всего удручает его — потеря целого года. Ибо экспедиция может рассчитывать на благоприятную погоду только летом, а в этом году время уже упущено. Но плавание принесло не только убытки; во время первой экспедиции приобретен немалый практический опыт. Сам кабель, доказавший свою полную пригодность, можно перемотать и использовать в следующей экспедиции. Необходимо изменить только конструкцию укладываемых машин, по вине которых произошел злополучный обрыв. Так в ожидании и подготовительных работах проходит еще год. Наконец, 10 июня 1858 года те же самые корабли со старым кабелем и новыми надеждами выходят в море. Так как при первом путешествии телеграфная линия работала безукоризненно, решено вернуться к первоначальному плану: производить укладку одновременно в обе стороны, начиная с середины океана. Первые дни новой экспедиции ничем не примечательны. Лишь на седьмой день, когда будет достигнут намеченный пункт, должна начаться укладка кабеля и вместе с ней настоящая работа. А пока что экспедиция напоминает обычную морскую прогулку. Машины стоят в бездействии, матросы отдыхают и наслаждаются ясной погодой; безоблачно небо, спокоен, может быть, слишком спокоен, океан.

Однако на третий день смутное беспокойство охватывает капитана «Агамемнона». Взглянув на барометр, он увидел, что столбик ртути падает с ужасающей быстротой. Это предвещает резкую перемену погоды, и действительно, на четвертый день разражается буря, такая буря, какую даже бывалым морякам редко приходилось испытывать в Атлантическом океане. По воле случая ураган захлестнул именно английский корабль. Превосходно оснащенный, испытанный в бурях и в огне войны, флагманский корабль английского флота, казалось, должен бы противостоять любому ненастью. Но, к несчастью, корабль полностью перестроен для приема гигантского груза. Кроме того, невозможно было, как это делают на обыкновенных грузовых пароходах, равномерно распределить нагрузку по всей площади трюма, и вся огромная тяжесть кабеля приходилась на его середину. Только небольшая часть кабеля была перегружена на носовую часть, но это только усугубило опасность, так как при каждом движении корабля вверх и вниз качка увеличивалась вдвое. Это облегчает буре ее жестокую игру: корабль накрывается вправо, влево, вперед, назад, под углом в 45 градусов, волны перекатываются через палубу, смывая все находящиеся на ней предметы. Новое несчастье: при одном чудовищном ударе, который сотрясает корабль от киля до мачт, лопается перегородка, за которой находился сложенный на палубе уголь. Градом черного щебня обрушивается вся масса угля на матросов, и без того уже окровавленных и измученных. Многие ранены кусками угля, находившиеся в камбузе обварены кипятком из перевернувшегося котла, один из матросов сошел с ума, не вынеся десятидневного шторма.

Команда уже готова прибегнуть к крайнему средству: выбросить за борт часть кабеля, который грозит погубить корабль. К счастью, капитан, не решаясь взять на себя такую ответственность, воспротивился этому и оказался прав. «Агамемнон» выдержал все испытания десятидневного шторма и, несмотря на значительное опоздание, присоединился к остальным кораблям в условленном месте, откуда должна была начаться укладка.

Но только теперь обнаруживается, как сильно пострадал от беспрестанных толчков драгоценный, изготовленный из тысячекратно переплетенных проволок чувствительный груз. В некоторых местах перепутались жилы, протерлась или прорвалась гуттаперчевая оболочка. Несмотря на все это, почти без всякой надежды на успех, делается несколько попыток начать укладку, но они приводят только к потере двухсот миль кабеля, которые без всякой пользы исчезают в океане. Пришлось еще раз спустить флаг и возвратиться на родину не триумфаторами, а побежденными.

Третье плавание

В Лондоне перепуганные акционеры, уже осведомленные о новой неудаче, ожидали возвращения Сайруса Филда, того, кто ввел их в искушение и расходы. Половина акционерного капитала уже истрачена на две экспедиции — и ничего не достигнуто, ничего не доказано; не приходилось сомневаться, что большинство заявит теперь: «Довольно!» Председатель правления советует спасти то, что еще можно спасти. Он предлагает снять с кораблей неиспользованный кабель, продать его, в крайнем случае даже в убыток, и поставить крест на этом безумном плане трансокеанской связи. Вице-председатель присоединяется к его мнению и вручает свою отставку, чтобы подчеркнуть, что он не желает иметь ничего общего с этим абсурдным предприятием. Но вера Сайруса Филда и его упорство непоколебимы. Ничто еще не потеряно, говорит он. Кабель блестяще выдержал испытание, на кораблях его еще достаточно, чтобы предпринять новое путешествие, флотилия готова к отплытию, экипажи наняты, а страшная буря, разразившаяся во время последней экспедиции, позволяет надеяться на несколько недель ясной, безветренной погоды. Нужно мужество, одно только мужество. Надо собрать все силы для последней попытки — теперь или никогда!

Акционеры растерянно переглядываются: неужели доверить этому одержимому остаток капитала? Но так как сильная воля всегда увлекает за собой колеблющихся, то Сайрус Филд вырвал у акционеров согласие на новую экспедицию. 17 июля 1858 года, через пять недель после второго злополучного плавания, флотилия в третий раз выходит из английского порта.

И на этом примере еще раз подтверждается старая истина, что важнейшие предприятия лучше всего удаются, когда вокруг них не поднимают шума. На этот раз отплытие проходит совершенно незамеченным. Лодки и яхты не провожают отплывающие корабли пожеланиями удачи, толпы любопытных не собираются на берегу, не устраивается торжественного прощального банкета, не произносятся речи, не испрашивают божьей помощи. Скрытно и бесшумно, как пиратские корабли, выходит в море флотилия. Но море встречает их дружелюбно. Точно в назначенный день, 28 июля 1858 года, через одиннадцать дней после отплытия из Куинстауна, «Агамемнон» и «Ниагара», встретившись в указанном месте, могут начать свой титанический труд.

Редкостное зрелище — корма с кормой сходятся корабли. Теперь между ними будут сращены концы кабеля. Без всякой торжественности, не вызывая даже особого интереса у матросов, разочарованных предыдущими бесплодными попытками, железно-медный кабель опускается в глубину, на самое дно океана, куда не достигал еще ни один лот. В последний раз приветствуют друг друга оба судна, поднимаются на мачтах флаги — и английский корабль направляется к берегам Англии, американский — к берегам Америки. Корабли удаляются друг от друга, как две блуждающие точки в безграничных просторах океана, но кабель продолжает связывать их; впервые в истории человечества два корабля, разделенные

пространством и невидимые друг другу, могут переговариваться сквозь ветер, волны и океанские дали. Каждые несколько часов электрический сигнал с одного корабля, промчавшись по глубинам океана, извещает другой о длине уложенного кабеля, и каждый раз второй корабль посылает ответный сигнал, извещая, что погода благоприятствует укладке и что преодолено такое же расстояние. Так проходит день, второй, третий, четвертый. Наконец, 5 августа с «Ниагары» сообщают, что корабль находится в заливе Тринити на острове Ньюфаундленд, в виду американского берега, уложив по меньшей мере тысячу тридцать миль кабеля. В тот же день торжествует победу и «Агамемнон», уложивший около тысячи миль и подошедший к берегам Ирландии. Впервые между двумя материками, Европой и Америкой, установилось непосредственное живое общение. Но лишь два корабля — несколько сот людей, находящихся на их борту, — знают, что подвиг совершен. Мир, который уже успел забыть об экспедиции, еще ничего не подозревает. Никто не встречает возвращающиеся корабли ни в Ирландии, ни на Ньюфаундленде; но в ту же самую секунду, когда кабель будет включен в сухопутную телеграфную сеть, все человечество сразу узнает об одержанной им грандиозной победе.

Великое славословие

Радость, вызванная этим известием, тем сильнее, что оно грянуло как гром среди ясного неба. Почти одновременно, в первые августовские дни, Старый и Новый Свет узнают об успешном завершении работы; произведенное впечатление не поддается описанию. В Англии газета «Таймс», обычно весьма сдержанная, пишет в передовой статье: «Со времени открытия Колумба не было сделано ничего, что в какой-либо степени могло бы сравниться с этим гигантским расширением сферы человеческой деятельности». Сити охвачено лихорадкой. Но робкой и бледной кажется горделивая радость Англии по сравнению с той бурей восторга, которая охватила Америку, едва новость успела там распространиться. Деловые операции приостановлены, улицы заполнены возбужденными людьми, спрашивающими, спорящими, кричащими. Доселе никому не известный Сайрус Филд становится национальным героем. Его имя ставят рядом с именами Франклина⁷ и Колумба, весь Нью-Йорк и сотни других городов с лихорадочным и шумным нетерпением ждут появления человека, благодаря твердости которого осуществилось «бракосочетание юной Америки со Старым Светом». Но восторг еще не достиг своего апогея, так как получено всего лишь скупое предварительное сообщение, что кабель проложен. А работает ли он? Удалось ли установить прочную связь между материками? Грандиозное зрелище: целый город, целый народ, затаив дыхание, ждет первого слова из-за океана. Известно, что прежде всего будет передано поздравление английской королевы, и его ждут с растущим час от часу нетерпением. Но проходят дни за днями, и только вечером 16 августа, после того как наконец устранено случайное повреждение кабеля в самом Ньюфаундленде, послание королевы Виктории достигает Нью-Йорка.

Долгожданная весть пришла слишком поздно, чтобы газеты успели опубликовать официальные сообщения, но едва только послание вывешивается на дверях редакций и телеграфных контор, как огромные толпы людей скопляются перед ними. Газетчики, в разорванной одежде, с трудом продираются сквозь праздничные толпы. Новость объявлена в театрах и ресторанах. Тысячи людей, в мозгу которых еще не укладывается, что телеграф на много дней обгоняет самый быстроходный корабль, устремляются в Бруклинский порт, чтобы приветствовать «Ниагару» — героический корабль, одержавший эту мирную победу. На следующий день газеты выходят с огромными заголовками: «Кабель работает безукоризненно», «Восторг населения не знает границ», «Небывалая сенсация всколыхнула

---

⁷ Франклин Вениамин (1706–1790) — известный американский ученый и политический деятель, сыгравший видную роль в борьбе североамериканских колоний за независимость.

весь город», «Настал час всеобщего ликования».

Небывалая победа: впервые с момента возникновения мышления на земле мысль со скоростью мысли пронеслась через океан. И уже гремит артиллерийский салют из ста орудий, возвещая, что президент Соединенных Штатов ответил на послание королевы. Теперь никто не осмеливается сомневаться. Вечером Нью-Йорк и все другие города сверкают десятками тысяч огней и факелов. Все окна освещены, и даже пожар, начавшийся на крыше ратуши, не может помешать ликованию. Следующий день приносит новую радостную весть: в Нью-Йорк прибыла «Ниагара», на борту которой находится сам виновник торжества, Сайрус Филд. Остаток кабеля с триумфом провезен по городу, команде корабля оказан достойный прием. День за днем в каждом городе Соединенных Штатов, от Мексиканского залива до Тихого океана, происходят манифестации, как будто Америка во второй раз празднует свое открытие.

Но и этого мало! Соответствующее моменту триумфальное шествие должно быть еще великолепнее, самым грандиозным из всех, которые когда-либо видел Новый Свет. Приготовления длятся две недели, и наконец в ясный осенний день 31 августа весь город чествует одного человека — Сайруса Филда, как со времен цезарей и императоров ни один народ не чествовал победителей. Торжественная процессия так велика, что ей потребовалось шесть часов, чтобы пересечь город с одного конца до другого. По украшенным флагами улицам проходят полки с развернутыми знаменами. За ними бесконечным потоком — хоры и оркестры, пожарные команды, школьники, ветераны. Каждый, кто в состоянии идти, идет, каждый, кто может петь, — поет, каждый, кто может ликовать, — ликует. В карете, запряженной четверкой лошадей, едет, словно античный триумфатор, Сайрус Филд, во второй — капитан «Ниагары», в третьей — президент Соединенных Штатов, далее — мэры городов, высшие чиновники, ученые. Речи, банкеты, факельные шествия без перерыва следуют друг за другом, звонят колокола, гремят артиллерийские залпы, все вновь и вновь вспыхивают взрывы ликования в честь второго Колумба, победителя пространства, объединившего Старый и Новый Свет и ставшего в этот день самым прославленным и любимым героем Америки, — в честь Сайруса Филда.

Крестные муки

Тысячи и миллионы голосов слились в этот день в громкий, ликующий хор. Лишь один-единственный и важнейший голос не присоединился к нему — голос электрического телеграфа. Быть может, уже посреди бурного празднества Сайрус Филд предчувствует ужасную истину, и кто знает, как тяжело ему — единственному, кто осведомлен о том, что именно в этот день трансатлантический кабель перестал действовать; в последние дни по телеграфу поступали все более сбивчивые, все менее четкие сигналы, пока наконец последний невнятный сигнал не долетел, как предсмертный вздох, и провод не замолк окончательно. Только несколько человек во всей Америке, наблюдающие за приемом сигналов в Ньюфаундленде, знали об этом постепенном ухудшении связи. Но и они медлили день за днем, не решаясь сообщить эту горькую весть в самый разгар праздничного ликования. Однако скоро замечают, что телеграммы из Европы поступают очень редко. В Америке ждали, что вести из-за океана будут приходить каждый час, но вместо этого аппарат лишь изредка выстукивает неразборчивые, бессвязные сигналы. Так не могло долго продолжаться, и вот пополз слух, что в спешке и нетерпении, стараясь добиться улучшения связи, по проводам пустили слишком сильный ток, и кабель, и без того уже несовершенный, теперь окончательно испорчен. Еще остается надежда устранить повреждение, но вскоре уже невозможно сомневаться: сигналы становятся все реже, все бессвязнее. И как раз утром 1 сентября, когда не успело еще рассеяться праздничное похмелье, аппарат не принял из-за океана ни одного ясного сигнала.

Люди менее всего склонны проявлять снисходительность в тех случаях, когда их искренние увлечения оканчиваются разочарованием, и особенно к тем, от кого они ожидали

всего и кто обманул их ожидания. Едва подтвердился слух о том, что прославленный телеграф перестал действовать, как бурная волна ликования отхлынула обратно и с яростным ожесточением обрушилась на без вины виноватого Сайруса Филда. Он обманул весь город, всю страну, весь мир, утверждают в Сити, он давно знал о негодности телеграфа, но из себялюбия предоставил людям чувствовать его, а сам за это время преспокойно сбыл с рук принадлежавшие ему акции, получив неслыханные барыши. Распространяется самая злонамеренная клевета; уже безапелляционно утверждают, что трансатлантический кабель по-настоящему вообще никогда не работал, что все телеграммы оказались мошенничеством и мистификацией, что послание английской королевы было привезено заранее, а вовсе не передано по телеграфу. За все это время, утверждают далее, ни одна телеграмма не была принята в связном виде, и директора телеграфной компании сами стряпали воображаемые тексты сообщений, основываясь на догадках и хаотических сигналах. Разразился подлинный скандал. И те, кто накануне ликовал с особым рвением, теперь громче всех выражают свое негодование. Весь город, вся страна стыдится своих неумеренных и опрометчивых восторгов. Жертвой всеобщего гнева избран Сайрус Филд: тот, кто еще вчера был национальным героем, братом Франклина и преемником Колумба, сегодня должен прятаться, как преступник, от своих прежних друзей и почитателей. Его слава, созданная в один день, в один день и разрушена. Необъятны размеры поражения: потерян капитал, утрачено доверие, и бесполезный кабель, как мифическое морское чудовище, лежит в неизведанных глубинах океана.

Шестилетнее молчание

Шесть лет пролежал бесполезный кабель на дне океана. Шесть лет как царит прежнее холодное молчание между двумя континентами. Шесть лет прошло с того знаменательного момента, когда согласно бился пульс Америки и Европы, которые в мгновение близости, краткое, как вздох, обменялись несколькими сотнями слов и снова, как в прошедшие тысячелетия, оказались разъединенными непреодолимым пространством. Самое отважное предприятие девятнадцатого века, которое еще недавно едва не стало действительностью, снова превратилось в легенду, в миф. Разумеется, никому и в голову не приходит возобновить наполовину удавшуюся попытку; тяжкое поражение парализовало все силы, отняло всякую надежду. В Америке все интересы поглощены гражданской войной Севера и Юга, в Англии еще заседают время от времени комитеты, но им потребовалось два года, чтобы высидеть тощее решение, что теоретически прокладка подводного кабеля возможна. Между этим академическим заключением и претворением его в действительность лежит длинный путь, на который никто не выражает желания вступить; шесть лет о возобновлении практических попыток думают так же мало, как и о бесполезном кабеле, покоящемся на дне океана.

Но шесть лет — лишь краткое мгновение в грандиозном ходе движения истории — в такой молодой науке, как электротехника, стоят целого тысячелетия. Каждый год, каждый месяц приносит новые открытия. Все более мощными, все более совершенными становятся динамо-машины, все расширяется область их применения, все точнее делаются приборы. Телеграфные линии объединяют уже самые отдаленные уголки континентов, уже проложен кабель через Средиземное море, связавший Европу с Африкой, и год от года рассеивается туман фантастики, который так долго окутывал идею прокладки трансатлантического кабеля. Неизбежно должен наступить час, когда попытка будет возобновлена. Нет только человека, который мог бы вдохнуть в старый замысел новую энергию.

И внезапно человек появился. Кто же он? Все тот же Сайрус Филд, полный прежней веры и прежней убежденности, Сайрус Филд, которого не могли сломить ни молчаливое презрение, ни злобные нападки. В тридцатый раз он пересекает океан и снова появляется в Лондоне. Ему удастся возобновить старые разрешения и собрать новый капитал в шестьсот тысяч фунтов стерлингов. Есть, наконец, и гигантский корабль, о котором раньше

приходилось лишь мечтать, — знаменитый четырехтрубный «Грейт Истерн» водоизмещением в двадцать две тысячи тонн, построенный Изабаром Брюнелем, корабль, который один способен поднять весь огромный груз кабеля. И — чудо за чудом — именно в 1865 году корабль, слишком смелая конструкция которого опередила свое время, не может найти себе применения и стоит в бездействии. В два дня корабль куплен и снаряжен для экспедиции.

То, что раньше было безмерно трудным, стало теперь простым и легким. 23 июля 1865 года корабль-великан, нагруженный новым кабелем, покидает Темзу. И хотя первая попытка не удастся из-за обрыва кабеля в двух днях пути от цели и ненасытный океан поглощает еще шестьсот тысяч фунтов стерлингов, вера людей в технику слишком сильна, чтобы эта неудача могла заставить их пасть духом. И когда 13 июля 1866 года «Грейт Истерн» снова плывет через океан, то эта вторая экспедиция увенчивается полным успехом. Ясно и четко работает теперь телеграф. Несколько дней спустя найден старый, забытый кабель, и две линии связывают воедино Старый и Новый Свет. Вчерашнее чудо стало нынешней действительностью, и с этого момента пульс времени забился одновременно по всей земле. Все страны и народы одновременно слышат, и видят, и понимают друг друга во всех концах земли, и человечество стало божественно вездесущим благодаря своим собственным творческим силам. Победа над временем и пространством навеки объединила людей, и будущее их было бы прекрасно, если бы не роковое ослепление, все вновь и вновь заставляющее их разрушать это грандиозное единство и применять те же средства, которыми они утвердили свою власть над природой, для уничтожения самих себя.